

Иннокентий Анненский

Гончаров и его Обломов

Иннокентий Анненский
Гончаров и его Обломов

«Public Domain»

1882

Анненский И. Ф.

Гончаров и его Обломов / И. Ф. Анненский — «Public Domain», 1882

«Перед нами девять увесистых томов (1886–1889), в сумме более 3500 страниц, целая маленькая библиотека, написанная Иваном Александровичем Гончаровым. В этих девяти томах нет ни писем, ни набросков, ни стихов, ни начал без конца или концов без начал, нет поношенной дребедени: все произведения зрелые, обдуманые, не только вылежавшиеся, но порой даже перележавшиеся. Крайне простые по своему строению, его романы богаты психологическим развитием содержания, характерными деталями; типы сложны и поразительно отделаны. „Что другому бы стало на десять повестей, – сказал Белинский еще по поводу его „Обыкновенной истории“, – у него укладывается в одну рамку“...»

Содержание

I	5
Конец ознакомительного фрагмента.	8

Иннокентий Анненский Гончаров и его Обломов

I

Перед нами девять увесистых томов (1886–1889),¹ в сумме более 3500 страниц, целая маленькая библиотека, написанная Иваном Александровичем Гончаровым. В этих девяти томах нет ни писем, ни набросков, ни стихов, ни начал без конца или концов без начал, нет поношенной дребедени: все произведения зрелые, обдуманые, не только вылежавшиеся, но порой даже перележавшиеся. Крайне простые по своему строению, его романы богаты психологическим развитием содержания, характерными деталями; типы сложны и поразительно отделаны. «Что другому бы стало на десять повестей, – сказал Белинский еще по поводу его „Обыкновенной истории“, – у него укладывается в одну рамку».² В других словах сказал то же самое Добролюбов про «Обломова».³ Во «Фрегате Паллада» есть устаревшие очерки Японии и южной Африки, но, кроме них, вы не найдете страницы, которую бы можно было вычеркнуть. «Обрыв» задумывался, писался и вылеживался 20 лет. Этого мало: Гончаров был писатель чисто русский, глубоко и безраздельно национальный. Из-под его пера не выходило ни «Песен торжествующей любви»,⁴ ни переводов с испанского или гиндустани. Его задачи, мотивы, типы всем нам так близки. На общественной и литературной репутации Гончарова нет не только пятен, с ней даже не связано ни одного вопросительного знака.

Имя Гончарова цитируется на каждом шагу, как одно из четырех-пяти классических имен, вместе с массой отрывков оно перешло в хрестоматии и учебники; указания на литературный такт и вкус Гончарова, на целомудрие его музы, на его стиль и язык сделались общими местами. Гончаров дал нам бессмертный образ Обломова.

Гончаров имел двух высокоталантливых комментаторов,⁵ которые с двух различных сторон выяснили читателям его значение; наконец, от появления последней крупной вещи Гончарова прошло 22 года и... все-таки на бледно-зеленой обложке гончаровских сочинений над глазуновским девизом⁶ напечатаны обидные для русского самосознания и памяти покойного русского писателя слова: *Второе издание*.

Эти мысли пришли мне в голову, когда я недавно перечитал все девять томов Гончарова и потом опять перечитал...

Так как причин этому явлению надо искать не в Гончаровском творчестве, а в условиях нашей общественной жизни, то я и не возьмусь теперь за выяснение их. Меня занимает *Гончаров*.

¹ *Перед нами девять... томов...* – Имеется в виду Полное собрание сочинений Гончарова в 9-ти томах, изд. 2-е. СПб., 1886–1889. Все цитаты проверены по этому изданию.

² *Что другому бы стало... в одну рамку.* – Белинский сказал это Гончарову в личном разговоре. Гончаров пишет: «Белинский сказал мне однажды: „что другому бы стало на десять повестей, у него укладывается в одном романе!“» (VIII, 264).

³ ... *сказал... Добролюбов про «Обломова».* – В статье «Что такое обломовщина?» Добролюбов писал: «Лень и апатия Обломова – единственная пружина действия во всей его истории. Как же это можно было растянуть на четыре части! Попадись эта тема другому автору, тот бы ее обделал иначе: написал бы страничек пятьдесят, легких, забавных, сочинил бы милый фарс, осмеял бы своего ленивца, восхитился бы Ольгой и Штольцем, да на том бы и покончил» (Добролюбов. Собр. соч. М.-Л.: 1962, т. 4, с. 311).

⁴ «*Песнь торжествующей любви*» – рассказ Тургенева.

⁵ ... *двух высокоталантливых комментаторов...* – Речь идет о Белинском, о Добролюбове.

⁶ ... *над глазуновским девизом...* – Глазуновы – старинная фирма книгопродавцев в Москве и Петербурге. Гончарова издал Иван Ильич Глазунов (1826–1889), приобретший право на издание его сочинений.

Гончаров унес в могилу большую часть нитей от своего творчества. Трудно в сглаженных страницах, которые он скупо выдавал из своей поэтической мастерской, разглядеть поэта. Писем его нет, на признания он был сдержан. В Петербурге его знали многие, но как поэта почти никто. На старости лет, в свободное от лечения время, напечатал он «Воспоминания». Кто не читал их?

Ряд портретов, ряд прелестных картин, остроумные замечания, порой улыбка, очень редко вздох, – но, в общем, разве это отрывок из *истории души поэта*? Нет, здесь лишь обстановка, одна материальная сторона воспоминаний: из-за всех этих Чучей, Углицких, Якубовых⁷ совсем не видно поэта-рассказчика, что он думал, о чем мечтал в те далекие годы. Рассказывая про университет, он даже не говорит я, а мы, рассказывает не Гончаров, а один из массы студентов.

Лиризм был совсем чужд Гончарову: не знаю, может быть, в юности он и писал стихи, как Адуев младший, но, в таком случае, вероятно, у него был и благодетельный дядюшка, Адуев старший, который своевременно уничтожил эту поэзию. Вторжения в свой личный мир он не переносил: это был поэт-мимоза. К голосу критики, положим, он всегда прислушивался, но требования его от критики были очень ограничены. «Ni excès d'honneurs, ni excès d'indignités».⁸ Сам он рассказывает, что в отрывках читал в кружке друзей первые части «Обрыва».⁹ но на это, конечно, нельзя смотреть иначе, как на художественный прием; замечания, советы, мнения чутких и образованных друзей помогали ему в трудной работе *объективирования*.

Прочитайте те страницы, которые он предпослал 2-му изданию «Фрегата Паллада» и его «Лучше поздно, чем никогда», – есть ли в них хоть тень гоголевского предисловия к «Мертвым душам» или тургеневского «Довольно»: ни фарисейского биения себя в грудь, ни задумчивого и вдохновенного позирования – *minimum* личности Гончарова.

Итак, личность Гончарова тщательно пряталась в его художественные образы или скромно отстранялась от авторской славы. Как подсмеивался сам поэт над наивными стараниями критиков открыть, в ком он себя увековечил: в старшем или в младшем Адуеве, в Обломове или в Штольце.

В последующих страницах я попытаюсь восстановить черты если не *личности*, то *литературного образа* Гончарова...

Гончаров жил и творил *главным образом в сфере зрительных впечатлений*: его впечатляли и привлекали больше всего *картины, позы, лица*; сам себя называет он рисовальщиком, а Белинский чрезвычайно тонко отметил, что он увлекается своим умением рисовать.¹⁰ Интенсивность зрительных впечатлений, по собственным признаниям, доходила у него до художественных галлюцинаций. Вот отчего *описание* преобладает у него над повествованием, *материальный момент* над отвлеченным, *краски* над звуками, типичность *лиц* над типичностью речей.

Я понимаю, отчего Гончарову и в голову никогда не приходила драматическая форма произведений.

⁷ ... Чучей, Углицких, Якубовых... – персонажи из «Воспоминаний» Гончарова.

⁸ Никаких излишеств – ни в похвале, ни в порицании (*фр.*).

⁹ Сам он рассказывает... *первые части «Обрыва»*... – Гончаров пишет об образе Райского: «Я должен был его больше, нежели кого-нибудь, писать инстинктом, глядя то в себя, то вокруг, беспрестанно говоря о нем в кругу тогдашних литераторов, поверяя себя, допрашиваясь их мнения, читая им на выдержку отдельные главы...» (VIII, с. 210).

¹⁰ ... Белинский... *отметил, что он увлекается своим умением рисовать*. – Белинский писал: «Господин Гончаров рисует свои фигуры, характеры, сцены прежде всего для того, чтобы удовлетворить своей потребности и насладиться своею способностью рисовать...» (Полн. собр. соч. М., 1956. т. 10, с. 343).

Островский, наверное, был более акустиком, чем оптиком; типическое соединялось у него со словом – оттуда эти характеристики в разговорах. Оттуда эта смена явлений, живость действия, преобладающая над выпуклостью изображений.

Площадный синкретизм нашего времени вмазал в драматическую форму «Мертвые души» и «Иудушку», но едва ли бы чья пылкая фантазия отважилась создать комедию из жизни Обломова.

Вспомните эти бесконечные и беспрестанные гончаровские описания наружности героев, их поз, игры физиономий, жестов, особенно наружности; припомните, например, японцев или слуг: они стоят перед нами как живые, эти Захары, Анисьи, Матвеи, Марины. Во всякой фигуре при этом Гончаров ищет характерного, ищет поставить ту точку, которая, помните, так прельщала Райского в карандашных штрихах его учителя. Гончаров далеко оставил за собою и точные описания Бальзака или Теккерей и скучные «перечни» Эмиля Золя...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.